

Рефлексия

МАРИНА, скажите, пожалуйста, сложно ли играть в спектакле, когда, кроме вас, на сцену выходит еще семь актрис? Сложно ли в принципе играть, когда на сцене все партнеры — женщины?

— С одной стороны, очень сложно, хотя бы потому, что это — актрисы разного возраста и даже разных поколений, а с другой стороны — очень легко, потому что нас объединяет женская тема пьесы Тома, и взаимопонимание возникает на каком-то другом уровне.

— В новом спектакле, играя девочку-подростка, вы так усиленно скрываете свои, на мой взгляд, замечательные внешние данные, надеваете какие-то уродующие лицо очки, каких, кажется, у нас даже не выпускают...

— Мне надоело играть красотою. Меня, можно сказать, бьют в театре, — я играю и костюмные — или, как их называют, исторические пьесы, где у меня красивые наряды, красивый грим и красивые прически. Хотелось попробовать какие-то другие выразительные средства. Я, наверное, перешла уже на тот уровень, когда не боюсь быть некрасивой. Мне кажется, что если человек талантлив, то он всегда красив. Даже при средних внешних данных можно выглядеть красивой на сцене. И наоборот: я очень часто видела, как красивые в жизни люди выходят на сцену и становятся сразу ка-

Марина Ильина родилась в Риге, окончила в школе-студии МХАТ курс Андрея Мягкова, где преподавали также Анастасия Вознесенская и Алла Покровская. Работает в Театре сатиры, наиболее известная ее роль — Катарина в спектакле Валентина Плучека «Укрощение строптивой». В мае она сыграла в спектакле Натальи Фекленко «Восемь любящих женщин», в котором действительно играют одни женщины и их восемь.

менты. В семье, может быть, это и держит, но когда какие-то проблемы мы начинаем рассматривать, то не всегда, конечно, сходимся на чем-то одном.

— Театр сатиры и сегодня можно назвать благополучным — полные залы, цветы, но этот театр знал и другое время, время легенд — Андрея Миронова, Анатолия Папанова, время, когда был молод и полон сил Плучек, когда здесь ставил спектакли Марк Захаров... Нет ли сегодня ощущения опустевших коридоров, улетувившейся легенды, не посещает ли мысль, что время расцвело прошло? Опять же и критики любят говорить о кризисе в театре.

— Есть такое ощущение. Но оно — не только от Театра сатиры, оно от театра вообще, от кризиса в стране, от кризиса в искусстве, в частности, в кино и в живописи. Это, наверное, естественно, кто-то же ведь сказал, что театр не может переживать постоянный расцвет. Но вслед за кризисом что-то приходит — приходят новые силы, и само время должно нас куда-то вывести.

— А нет ли обиды на то, что вам достался этот промежуток?

— Обиды нет. Более того, считаю, что мне повезло, и я благодарна Плучеку, потому что

мой становится дом. Когда есть и то, и другое — это счастье.

— В спектакле «Восемь любящих женщин» (в котором, на мой взгляд, есть и все недостатки, и наивная прелесть самостоятельной актерской работы) играют в основном актрисы, в других спектаклях не занятые, даже те из них, которых можно назвать известными — как Нина Архипова — много лет на сцену не выходила. Вы, наоборот, играете много. А после Катарины в «Укрощении строптивой» вас даже называют восходящей звездой...

— Я, наверное, перестраховщица жуткая. Когда мне Наташа Фекленко предложила эту работу, я что-то параллельно репетировала, были проблемы со временем, но я знала об этой затее — сделать своего рода подарок замечательным нашим артистам, которые ничего, к сожалению, не играют. Я подумала — не дай Бог, конечно, но может настать такое время, когда я окажусь в их положении... Они ведь все много играли, когда были помоложе, — все-таки для молодых актрис больше написано ролей, — в каждой пьесе есть одна или две героини. Но жизнь такова, что когда-то приходится менять амплу, и вот тут можно остаться ни с чем. И когда я об

ОБЛАСКАННОЕ ДИТЯ

Независимая газ. - 1996 - 19 июля
 Марина Ильина очень хотела бы сыграть Анну Каренину, но никто пока не предлагает

Марина Ильина — в жизни и в спектакле «Восемь любящих женщин».

Фото Геннадия Несмачного

кими-то серыми, неэффективными.

— Сегодняшний Театр сатиры — и в это я не вкладываю ни капли обидного смысла — театр для начинающих зрителей, ищущих в театре удовольствия и приятного времяпрепровождения. Это, по-вашему, хорошо или плохо?

— С одной стороны, хорошо. С другой стороны, в любом времяпрепровождении должна быть высокая культура, — если говорить о театре. Мне кажется, что в нашем театре она есть. Несмотря на то, что наш театр, иронизируя, называют общедоступным, иногда даже скатываясь до оскорблений, — примитивным. Но мне кажется, что это не так.

— И все-таки, нет ли у вас желания получить какое-то предложение со стороны и параллельно основной работе играть еще и в какой-нибудь антрепризе?

— Конечно, очень хочется сыграть что-то еще. Мне кажется, что я обладаю какими-то драматическими наклонностями в профессии, но, к сожалению, у себя в театре... Хотя есть несколько спектаклей, где вполне можно использовать и трагико-драматические качества.

— Что же это за спектакли?

— Вот был у нас такой замечательный спектакль Плучека «Горячее сердце». К сожалению, его уже сняли. Я там играла Парашу, и мне кажется, что это была более драматическая, нежели комедийная роль. Есть у меня и в других спектаклях — в комедиях — какие-то монологи, достаточно сложные и тоже с драматическим началом. Хотя очень хотелось бы, конечно, сыграть Анну Каренину, но, к сожалению, никто пока не предлагает.

— У вас семья и муж — как мне уже успели рассказать — бизнесмен, что, наверное, освобождает вас от мыслей о том, что театр не позволяет вести роскошную жизнь, а с другой стороны, не мешает ли мужу ваша вечерняя занятость, а потом — поклонники, цветы, пиэсьма?

— Нет, ему это очень приятно, у него много друзей, они приходят на спектакли, какие-то слова хорошие говорят, — это всегда очень приятно, но, конечно, у нас очень разные расписания: у него выходные — суббота и воскресенье, а я в праздники работаю. Есть проблемы некоторого непонимания с его стороны моей профессии, а я, наверное, не очень понимаю его профессию, у нас разные темпера-

я, в общем-то, обласканное им дитя, я пришла в театр сразу на главную роль и с тех пор каждый сезон — тьфу-тьфу-тьфу — играю новые пьесы. Мне кажется, что Плучек — поскольку он сам высококультурный человек — очень много дает актеру помимо репетиций, даже сидеть и говорить с ним — это наслаждение. Слушать, как он читает стихи, как что-то вспоминает, какие-то цитаты приводит, как он разговаривает, мыслит неожиданно. И репетиции у нас очень странно начинаются, всегда с какой-то преамбулы, каких-то рассказов, шуток-прибауток — Плучек очень профессионально и точно настраивает на лад. Он начинает, и даже непонятно, к чему он клонит, а в результате выходит именно туда, куда и было нужно, подводя невероятно какими дорогами к началу репетиции.

— Я чувствую, что вам нравится в театре старомодность, — возможность репетировать год...

— Да, да. Мне это нравится, поскольку театр — это еще и образование, которое должно продолжаться всю жизнь. Копаться, репетировать, что-то находить, в чем-то сомневаться и что-то переделывать — да, мне это нравится.

— Даже великие актеры не избавлялись великие театры от интриг, а как сейчас, по-вашему, в Театре сатиры — существуют ли свои кланы, процветают ли «неформальные» отношения?

— В каждом театре, наверное, существуют свои «мафии», но в моем поколении и среди тех, кто немного старше или младше (это Леночка Яковлева, Валера Гаркалин, Юра Васильев, Таня Титова), мне кажется, сложился достаточно благоприятный микроклимат.

— А вам не хотелось никогда уйти из театра — на телевидение, скажем, чтобы вести там какое-нибудь шоу?

— Наверное, к этому надо иметь какие-то внутренние основания, быть готовой, а у меня даже мыслей таких не было. Я так долго и мучительно шла к театру, так долго не работала, и поэтому, когда я уже дорвалась до этого счастья играть, у меня никаких таких желаний не рождается. Я вот могу сказать, что я счастлива. Бывает, конечно, что устаю, бывает, в конце сезона что-то не получается или что-то случается в семье, но когда выходишь на сцену, то на три часа забываешь про все. Это — хорошая ширма от жизни и всех ее проблем. А когда в театре проблемы, очень хорошей шир-

м этом задумалась и представила себе, что и у меня может настать такой момент, то не сумела найти в себе внутренних оснований, чтобы отказаться от работы, сказать, что мне это неинтересно и не нужно. А кроме того, поскольку это была самостоятельная работа, то мы могли что-то предлагать, пробовать и так, и сяк. Было интересно себя проверить — смогу ли я что-то придумать без крепкого режиссера. Я не рассчитывала на результат, тем более не рассчитывала, что нам дадут большую сцену.

— А в кино вы снимаетесь?

— Нет, не получилось у меня романа с кинематографом. Тем более, что сейчас еще кризис в кино, — я как-то успокоилась даже. Раньше беспокоилась, переживала, думала, может, у меня с лицом что не в порядке или чего-то не хватает, — прихожу, разговариваю с режиссером, вроде нравлюсь, обещает перезвонить — и никогда не перезванивает. Так было всегда, и в очередной раз, уходя с кинопроб, я уже не ждала никаких звонков. Правда, недавно меня утвердили сразу на несколько ролей, но фильмы закрылись.

— Но аванс-то успели получить?

— Нет, не успела. Это исторический фильм, было несколько портретных гримов, какие-то делаи прически, и я уехала на гастроли, подписав договор на семь тысяч долларов — как сейчас помню — в полном обладении от того, что свершился, наконец, великий прорыв в кино, причем с Валерой Гаркалиным, что было особенно мне приятно, потому что мы уже снимались вместе в одном фильме, который закрыли, сняв, наверное, три четверти картины, и он мне помог, поскольку я — театральная человек и совершенно не умею работать с камерой. Он подходил ко мне и говорил: «Не суетись», «а вот тут на среднем плане можешь уже сделать ручкой». Сейчас опытные киноактеры не снимаются, чего уж мне говорить, — я ведь не из кинотусовки. На премьерных в Доме кино я себя дискомфортно чувствую. Это — другая среда.

— А что вы сейчас репетируете?

— С Эдуардом Ливневым я сейчас репетирую пьесу Луи Вернеля. У меня замечательный партнер, Александр Воеводин, очень талантливый артист, с которым мы работаем еще у Леша Левинского в спектакле «Клоуны». Там он играет клоуна, а я — ни больше ни меньше — Кармен.